

ГЛАВНЫЙ ТРИЛЛЕР ГОДА

КЛЭР ДУГЛАС

ПАРА
ИЗ ДОМА
№9

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д80

Claire Douglas
THE COUPLE AT NO. 9

The Couple at No 9 Copyright © Claire Douglas, 2021.
All rights reserved.

Дуглас, Клэр.

Д80 Пара из дома номер 9 / Клэр Дуглас ; [перевод с английского М. В. Смирновой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-197161-8

Когда беременная Саффи Катлер и ее муж Том получили в наследство дом номер 9 по Скелтон-Плейс, они думали, что это дом их мечты. И уж точно последнее, чего они ожидали, — найти человеческие останки, закопанные в саду на заднем дворе. Точнее, останки двух тел. Мужчины и женщины...

Судебно-медицинская экспертиза показала, что тела были захоронены не менее тридцати лет назад и... это убийство. Полицейские просят Саффи поговорить с бывшим владельцем коттеджа — ее бабушкой Роуз, проживающей в доме престарелых...

Вот только у Роуз болезнь Альцгеймера. Ее сознание медленно угасает, она почти ничего не помнит и не может помочь полиции. И все-таки старушка явно что-то знает...

По мере того как фрагментарные воспоминания Роуз всплывают на поверхность, а полиция копает все глубже, Саффи понимает, что за ней и ее домом следят. Кто-то очень опасный...

Что же произошло тридцать лет назад? Кто эти жертвы? Какую роль в этом деле сыграла Роуз? И какая опасность грозит Саффи сейчас?

Книга о загадке, кроющейся в прошлом, запретной любви и беспредельной материнской заботе. После прочтения вам точно захочется позвонить родителям и расспросить их о прошлом — вдруг и там скрываются не рассказанные ранее приключения...

Надежда Зубрева, редактор Lady.mail.ru

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Смирнова М.В., перевод
на русский язык, 2023
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-197161-8

Часть I

1

Саффи
Апрель 2018 года

Я сижу в саду перед домом, выпалывая сорняки, которые лезут из-за краев подъездной дорожки, словно огромные пауки, и слышу крики — низкие и утробные. Строители орудуют механическим копателем в саду с обратной стороны дома. Все утро, пока подстригала розовый куст под окном гостиной, я слышала ритмичные удары, похожие на неотступную головную боль, — их доносил ветер с той стороны. Но сейчас они умолкли. Этого достаточно, чтобы заставить мое сердце забиться чаще. Снежок — бабушкин маленький уэстхайленд-терьер, лежащий рядом со мной, — настораживает уши. Я поворачиваюсь к коттеджу, чувствуя, как пот стекает у меня между лопаток. Что-то случилось? Я представляю себе вывернутые суставы и сочащуюся кровь — резкий контраст с синим небом и ослепительным светом солнца, — и в желудке у меня словно образуется камень. У меня и в лучшие-то времена пищеварение не было идеальным, но на четырнадцатой неделе беременности я по-прежнему страдаю утренней тошнотой — точнее, утренней, дневной и вечерней.

Встаю, мимоходом глянув на пятна грязи на коленях моих джинсов — эти джинсы мне все еще по размеру, хотя пояс сделался тесноват. Прикусив внутреннюю

поверхность щек, я собираюсь с силами, мысленно браня себя за нерешительность. Снежок тоже встает, уши его по-прежнему настрожены; он коротко гавкает, когда один из строителей — Джонти, молодой красавчик, — неожиданно появляется из-за угла дома. Он бежит ко мне, размахивая бейсболкой, чтобы привлечь мое внимание, на его футболке под мышками темнеют пятна пота, песочно-белокурые локоны подрагивают на каждом шагу.

Черт, он собирается сообщить мне о каком-то несчастном случае... Я подавляю желание броситься в противоположную сторону и вместо этого заслоняю глаза от солнца, ярко озаряющего сад и черепичную крышу дома. Джонти, похоже, цел и невредим, но, когда он подбегает ближе, я вижу на его веснушчатом лице потрясение.

— Кто-нибудь поранился? — спрашиваю я, стараясь, чтобы паника не просочилась в мой голос. О боже, мне придется звонить в «скорую помощь»! Я никогда в жизни не набирала номер 999. И мне становится нехорошо при виде крови. В детстве я собиралась стать медсестрой — до тех пор, пока не упала в обморок при виде колена моей лучшей подруги, разбитого при падении с велосипеда.

— Нет. Извините, что беспокою вас, — выговаривает он, тяжело дыша, так что слова буквально налезают одно на другое, — но мы нашли кое-что. Вам лучше взглянуть. Быстрее.

Я роняю свои хозяйственные перчатки на траву и вслед за ним иду вокруг дома, гадая, что бы это могло быть. Снежок следует за мной по пятам. Может быть, они нашли сокровище? Какой-нибудь реликт, который

можно выставить в музее? Но эти крики!.. В них не слышалось радости от обнаружения чего-то ценного. В этих криках звучал страх.

Я жалею, что здесь нет Тома. Мне неудобно общаться со строителями, пока он на работе: они постоянно задают вопросы, ожидая, что я приму решения, в которых могу ошибиться; к тому же я никогда не умела командовать. Нам с Томом по двадцать четыре года, мы три года назад окончили университет. Все это — переезд из квартиры в Кройтоне в старинного вида деревню Беггарс-Нук в Котсуолде, в коттедж с видом на лес, — случилось ужасно неожиданно. Подарок-сюрприз.

Джонти ведет меня в сад позади дома. До прихода строителей этот сад выглядел идилически: разросшийся кустарник, жимолость, обвившаяся вокруг шпалер, а в дальнем углу — альпийская горка, заросшая анютиными глазками всех оттенков розового и фиолетового. Теперь здесь торчит уродливый оранжевый копатель, окруженный высокими грудками земли. Двое других строителей — Даррен, примерно тридцати пяти лет, с хипстерской бородой, начальник этой бригады, судя по его уверенному поведению, и Карл, примерно моего возраста, мускулистый, как игрок в регби, — смотрят вниз, в яму, которую они выкопали. Руки их уперты в бока, тяжелые ботинки утопают в рыхлой почве. Они совершенно синхронно поворачивают головы, когда я подхожу ближе. На их лицах отражен одинаково сильный шок, но в глазах Карла сверкает что-то похожее на возбуждение. Я прослеживаю его взгляд и замечаю в почве проблеск чего-то желтовато-белого, торчащего, словно осколок фарфора. Инстинктивно

опускаю руку и хватаю Снежка за ошейник, чтобы помешать ему прыгнуть в яму.

— Когда мы копали, мы нашли... *что-то*, — произносит Даррен, складывая руки на груди, обтянутой испачканной футболкой.

— Что? — Снежок рвется у меня из рук, и я усиливаю хватку.

— Останки. — Лицо Даррена мрачнеет.

— Останки... животного? — спрашиваю я. Даррен и остальные переглядываются.

Карл выходит вперед — уверенно, почти ликующе, от его шагов с земли поднимается пыль.

— Это похоже на руку...

Я в ужасе отшатываюсь назад.

— Вы хотите сказать... это человек?

Даррен смотрит на меня с сочувствием.

— Думаю, да. Вам лучше позвонить в полицию.

2

Том приезжает домой через два часа, и все это время я неустанно продолжаю рассказывать по нашей крошечной кухне. Она выглядит как реликт восьмидесятых годов двадцатого века: с типично фермерской обстановкой и изображениями толстеньких свиней и овец на настенной плитке. Нам удалось втиснуть сюда дубовый стол из нашей квартиры, хотя мы можем выдвинуть из-под него только два стула из четырех. Вскоре после переезда, в феврале, мы устроили домашнее «заседание» с архитектором, невысоким лысеющим мужчиной лет шестидесяти по имени Клайв, — у него хорошая репутация среди местных жителей. Совмест-

но мы спланировали изменения в этой части дома: кухня должна быть увеличена на всю ширину коттеджа, в большой сад будет выходить окно во всю стену, в стальном переплете и с отдельной дверью. И, если честно, это отвлекло меня от беременности, которая до сих пор вызывает у меня тревогу, хотя я прошла обследование на сроке в двенадцать недель и все, похоже, нормально. Но меня терзают сомнения. Что, если у меня случится выкидыш? Что, если у ребенка случится задержка роста, или он родится слишком рано, или вообще мертвым? Что, если я не смогу справиться с появлением ребенка на свет или буду страдать от послеродовой депрессии?

Беременность не была запланированной. Мы с Томом говорили об этом вскользь — «возможно, через пару лет, после свадьбы», — но мы были в самом начале своего карьерного роста и откладывали деньги на депозит, чтобы купить собственную квартиру. Дети и свадьбы были для нас каким-то далеким событием — когда мы станем старше. Когда мы станем взрослыми. Но я заболела желудочным гриппом и забыла принять дополнительные меры предохранения. И вот к чему привела эта оплошность. *Ребенок.* Я буду молодой мамой, хотя и старше, чем была моя собственная мама, когда я появилась на свет.

Снежок валяется на своей лежанке у плиты, положив голову на лапы, и наблюдает за тем, как я расхаживаю по кухне. Сквозь окно в свинцовом переплете вижу суету на заднем дворе. На половину лужайки растянута огромная белая палатка; туда то входят, то выходят полицейские и люди в защитных комбинезонах криминалистов, у одного офицера на шее висит фото-

камера. Вокруг палатки натянута яркая желтая лента, трепещущая на легком ветерке. По всей ее длине напечатана надпись «МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН», и каждый раз, когда она попадает на глаза, я чувствую тошноту. Она может выглядеть как реквизит из криминальной драмы, идущей по телевизору, но само ее присутствие подчеркивает реальность ситуации. Я была удивлена (и, честно сказать, немного горда) тем, как быстро я взяла ситуацию под контроль, едва оправившись от шока. Сначала позвонила в полицию, а затем, после того как все дали показания, отправила строителей домой, сказав, что сообщу им, когда они смогут возобновить работу, хотя мое сердце все это время неистово колотилось. Затем я позвонила Тому в его лондонский офис; он сказал, что приедет домой ближайшим поездом.

Я слышу, как «Ламбретта»¹ Тома подъезжает к крыльцу; он всегда хотел такой мотороллер и купил себе его — правда, подержанный, — когда мы переехали сюда. Он ездит на нем на станцию и обратно. Это дешевле, чем содержать две машины, — ведь все свободные деньги, которые мы накопили, ушли на расширение дома.

Потом хлопает входная дверь. Том вбегает на кухню, его лицо выражает сильное беспокойство. На нем очки в модной черной оправе, которые он купил, когда начал работать в финансовом отделе технологической компании больше года назад. Том считает, что они придают ему больше серьезности. На лицо падает

---

¹ «Ламбретта» — знаменитая марка итальянских мотороллеров.

светло-русская челка, джинсы плохо сочетаются с льняной рубашкой и с пиджаком. Что бы он ни надел, все равно будет выглядеть как студент. От него пахнет Лондоном — дымом, поездами, латте навынос и чужими дорогими запахами. Снежок вьется вокруг наших ног, и Том наклоняется, чтобы рассеянно погладить его, но все его внимание приковано ко мне.

— О господи, с тобой все хорошо? Такой шок... как ребенок? — спрашивает он, выпрямляясь.

— Все в порядке. Мы в полном порядке, — отвечаю я, защитным жестом кладя ладони на свой живот. — Полиция все еще в саду. Они опросили меня и строителей, а теперь повесили ограждающую ленту, поставили палатку и все такое.

— Черт. — Том смотрит мимо меня в окно, на то, что творится в саду, и выражение его лица на несколько секунд делается мрачным. Затем он поворачивается ко мне. — Они что-нибудь сообщили тебе?

— Совсем немного. Это человеческий скелет. Кто знает, как долго он там пролежал... Насколько я знаю, ему может быть несколько сотен лет.

— Или он мог остаться со времен римского владения, — говорит Том, криво улыбаясь.

— Вот именно. Возможно, он лежал здесь еще до того, как построили Скелтон-Плейс. То есть до... — Я хмурюсь, понимая, что не могу вспомнить дату.

— Тысяча восемьсот пятьдесят пятого года. — Конечно, Том это знает. Ему достаточно прочитать что-то один раз, чтобы запомнить. На викторинах он всегда первым отвечает на вопросы в разделе «Общеизвестные» и постоянно ищет всякие мелкие факты на своем смартфоне. Он — полная противоположность мне: спо-

койный, прагматичный, никогда не реагирует на что-либо слишком остро. — Хотя это выглядит достаточно серьезно, — вслух размышляет Том, не отрывая взгляда от того, что творится в саду.

Я смотрю туда же. Появляются еще несколько полицейских с поисковыми собаками на поводках. Неужели следователи подозревают, что здесь есть еще трупы? Мой желудок сжимается.

Том снова поворачивается ко мне, его голос серьезен:

— Мы уж точно не ожидали такого, когда переехали в деревню.

Несколько секунд мы молчим, потом начинаем нервно смеяться.

— О господи, — говорю я, прервавшись. — Мне кажется, сейчас не время для смеха. Все-таки это была чья-то смерть...

Но эти слова вызывают у нас новый приступ хохота.

Многочисленное покашливание заставляет нас умолкнуть, и, повернувшись, мы видим женщину-полицейского в форме, стоящую у задней двери. Это дверь сделана в «конюшенном» стиле¹, и сейчас открыта только верхняя половина, поэтому женщина, по пояс скрытая нижней половиной двери, выглядит так, будто собирается показать кукольное представление. Да и смотрит она на нас словно на непослушных школьников. Снежок начинает лаять на нее.

— Спокойно, все хорошо, — говорит Том, обращаясь к псу.

---

¹ «Конюшенный» стиль — конструкция двери, при которой верхняя и нижняя половины открываются отдельно, как в стойле.

— Извините, что вмешиваюсь, — говорит женщина, однако, судя по ее виду, это извинение — просто формальность. — Я стучала, но никто не ответил. — Она открывает нижнюю половину двери и теперь стоит на пороге во весь рост.

— Ничего страшного, — отзывается Том и отпускает Снежку, который тут же бросается к женщине, чтобы обнюхать ее брюки. С легким раздражением та отодвигает его ногой.

— Полицейский констебль Аманда Прайс. — Она старше нас лет на пятнадцать, с темными волосами и пронзительными голубыми глазами. — Могу я получить подтверждение того, что вы являетесь владельцами этого дома? Том Перкинс и Саффрон Катлер?

Формально владелица — моя мать, но я не хочу усложнять ситуацию упоминанием об этом.

— Да, — подтверждает Том, выразительно взглянув на меня. — Это наш коттедж.

— Тогда все верно, — констебль Прайс кивает. — Боюсь, нам придется немного задержаться здесь. Есть ли кто-нибудь, у кого вы могли бы остановиться на ночь? Может быть, на выходные?

Я думаю о Таре, которая сейчас живет в Лондоне, и о моей школьной подруге Бет, в Кенте. Друзья Тома проживают либо в Пуле, откуда он родом, либо в Кройдоне.

— Мы живем здесь совсем недолго, у нас еще нет друзей поблизости, — отвечаю я, и это заставляет меня задуматься о том, насколько мы изолированы здесь, в этой деревне в самой глуши.

— Ваши родители живут поблизости?

Том качает головой.

— Мои родители в Пуле, а мама Саффи в Испании.

— Мой папа живет в Лондоне, — добавляю я. — Но у него только двухкомнатная квартира...

Констебль хмурится, словно считает все эти сведения совершенно излишними.

— Тогда позвольте предложить вам временно переехать в гостиницу, только до воскресенья. Полиция оплатит вам расходы за причиненные неудобства. Это только на то время, пока на месте преступления идут раскопки.

Слова «место преступления» и «раскопки» вызывают у меня тошноту.

— Когда можно будет возобновить строительство? — спрашивает Том.

Констебль вздыхает, как будто этот вопрос совершенно неуместен.

— Боюсь, вы не сможете пользоваться этим садом, пока не закончатся раскопки и вывоз скелета. Вам придется подождать, пока не поступят сведения из SOCO. Из отдела следственной криминалистики, — уточняет она, когда мы смотрим на нее с озадаченным выражением лица.

— Так вы считаете, что это преступление? — спрашиваю я, бросая на Тома обеспокоенный взгляд. Он пытается улыбнуться мне, чтобы успокоить, но эта улыбка напоминает гримасу.

— Мы рассматриваем это как место преступления, именно так, — говорит Прайс, как будто считает меня невероятно глупой. Но никакой другой информации она нам не дает, и я чувствую, что спрашивать бесполезно.

— Мы живем здесь всего несколько месяцев, — повторяю я, сочтя необходимым объяснить это — на случай, если суровая дама-офицер решит, будто мы могли

иметь к этому какое-то отношение... будто у нас есть привычка прятать трупы в саду. — Он мог лежать здесь годами... столетиями, возможно...

Но выражение ее лица заставляет меня умолкнуть.

Констебль Прайс поджимает губы.

— Я не имею права сообщать сейчас что-либо еще. Криминалисты дали запрос на присутствие судебного антрополога, дабы подтвердить, что кости человеческие. Мы будем держать вас в курсе.

Я думаю о руке, которую видел Карл, — по его собственным словам. Вряд ли приходится сомневаться в том, что останки человеческие. После нескольких секунд неловкого молчания констебль Прайс собирается уходить. Затем останавливается, как будто что-то внешне вспомнив.

— Ах да, и не могли бы вы покинуть этот дом в течение часа, будьте так любезны?

Мы смотрим, как она выходит в сад на нашем заднем дворе, в этот ужасный мир полицейской криминалистики, и я стараюсь не заплакать. Том молча берет меня за руку, будто не находя слов утешения.

И вдруг до меня доходит, что это действительно происходит. Дом нашей мечты, наш прекрасный коттедж, теперь стал местом преступления.

К счастью, в деревенской гостинице «Олень и фазан» есть свободный номер, где мы можем остановиться, и туда можно заселяться с собаками. Каждый из нас собирает себе одну сумку с вещами, и Том настаивает на том, чтобы нести обе, а я беру Снежка на поводок.

Хозяйка гостиницы Сандра Оуэнс смотрит на нас вопросительно.

— Но ведь вы же новые владельцы коттеджа Скелтон-Плейс, разве не так? — спрашивает она, когда мы заходим поесть в паб при гостинице. После переезда в Беггарс-Нук мы были в пабе всего один раз, и то на обеде в воскресенье в прошлом месяце. На нас произвели глубокое впечатление стены, со вкусом выкрашенные в бледно-зеленый цвет краской «Фарроу энд Болл»¹, типичная сельская мебель и вкусная домашняя еда. Очевидно, что паб был заново отремонтирован, когда пять лет назад он перешел в собственность Оуэнсов.

Я не знаю, что сказать. Как только новость станет известна хоть кому-нибудь, она разойдется по всей деревне.

— У нас возникли небольшие проблемы со стройкой, — отвечает Том нейтрально-вежливым тоном, — поэтому мы решили переехать на несколько ночей, пока все не уладится.

— Ясно, — кивает Сандра, хотя ее слова Тома, похоже, не убедили. Ей около пятидесяти лет, и она выглядит достаточно привлекательно; носит мелированную прическу каре и элегантные платья. Пройдет не так много времени, прежде чем Сандра узнает правду, но никто из нас не хочет говорить ей об этом сегодня вечером. На меня наваливается усталость, хотя нет даже семи часов вечера, еще светло. Я просто хочу заползти в постель.

---

¹ «Фарроу энд Болл» — известная фирма по производству качественной краски и обоев.

Сандра провожает нас в двухместный номер, маленький и уютный, с видом на лес из заднего окна.

— Завтрак с семи тридцати до десяти, — сообщает она, прежде чем уйти.

Том стоит возле чайного уголка и смотрит сквозь окно на деревья вдалеке.

— Я не могу в это поверить, — говорит он, не обращившись ко мне.

Я растягиваюсь на кровати — это красивое ложе с балдахином, на четырех высоких ножках, со стеганным покрывалом в темных тонах. При других обстоятельствах пребывание здесь было бы для нас праздником. Мы не отдыхали уже целую вечность — все наши деньги за последние пять месяцев были отложены на расширение дома, — но сейчас этот «праздник» испорчен, омрачен раскопками в коттедже. Каждый раз, когда я вспоминаю об этом, мне становится плохо.

Снежок запрыгивает на кровать рядом со мной, кладет голову мне на колени и смотрит на меня проникновенными карими глазами.

— Не могу поверить, что нас выставили из собственного дома, — говорю я, глядя Снежка по голове. Затем натягиваю на себя кардиган. Становится прохладно, а может быть, меня знобит от потрясения.

Том щелкает кнопкой на маленьком пластмассовом чайнике, затем залезает к нам на кровать. Матрас мягче, чем у нас дома.

— Я знаю. Но все будет хорошо, — говорит мой муж с неизбывным оптимизмом. — Скоро мы возобновим строительство, и все вернется на круги своя.

Я прижимаюсь к нему, отчаянно желая поверить в его слова.

Мы подавляем острое желание пройти мимо коттеджа. Вместо этого проводим нежданные свободные дни либо в пабе, либо в долгих прогулках по деревне и лесу.

— По крайней мере, я пока могу отдохнуть от отделки дома, — говорит Том в субботу, когда мы идем по деревенской площади, и берет меня под руку. Он так много сделал в коттедже с тех пор, как мы переехали: убрал истертый до ниток ковер на лестнице, покрасил гостиную и нашу спальню в красивый серо-голубой цвет, отциклевал пол... Впоследствии он хочет снять обои в маленькой спальне, чтобы отделать ее к рождению ребенка, хотя он откладывал это до проверки моей беременности на двенадцатой неделе, чтобы не искушать судьбу.

Когда мы возвращаемся в воскресенье после обеда, с сумками и собакой — как гости в собственном доме, — у меня замирает сердце. Полицейские машины и фургоны все еще припаркованы на нашей подъездной дорожке. Другой офицер в форме — на этот раз мужчина средних лет — сообщает нам, что они должны закончить раскопки к концу дня и нам разрешено находиться в коттедже, но нельзя выходить в сад, пока они не закончат. Интересно, обыскали ли они дом изнутри? От этой мысли мне становится не по себе: не хочется думать о том, что полиция рылась в наших вещах. Когда я делюсь этими опасениями с Томом, он заверяет меня, что полицейские сказали бы нам, если бы собирались это сделать.

Остаток дня мы с мужем скрываемся.

— Интересно, что думают об этом соседи? — вслух размышляю я, стоя у окна, потягивая чай без кофеина и думая о пожилой чете, Джеке и Бренде, — они живут по соседству. Их участок отделен от нашего жилой изгородью, но Бренда отличается скромностью, доходящей до пуританства, и, когда Клайв представил планы по расширению кухни, эти двое выступили против.

В конце нашей подъездной дорожки собралась небольшая толпа, лишь частично скрытая полицейскими машинами.

— Держу пари, это журналисты, — замечает Том, глядя на них поверх моего плеча и крепко сжимая в руке кружку. — Ты не хочешь позвонить своему отцу и поговориться?

Мой отец — главный репортер одного из национальных таблоидов. Я мрачно киваю. Чувствую себя такой же незащищенной, как если бы кто-то сорвал крышу с нашего дома.

— Это кошмар, — бормочу я. На этот раз Том не пытается разуверить меня. Вместо этого он мрачно молчит, потягивая свой кофе и играя желваками.

Позже я звоню отцу, чтобы спросить его совета.

— Вот как, ты не хочешь поделиться эксклюзивным материалом со старым отцом? — убийственно-серьезно шутит он.

Я смеюсь.

— Я ничего не знаю! Все еще может оказаться, что этому скелету сотни лет.

— Ну, на тот случай если это не так, я должен предупредить тебя: как только полиция подтвердит факт преступления и опознаёт тело, на вас набросится толпа журналистов.

— Может, нам съехать? — Хотя, произносятся эти слова, я понятия не имею, куда мы можем поехать. Мы не можем позволить себе гостиницу. Я хотела бы, чтобы папа жил поближе. Или мама, но она еще дальше.

— Нет. Нет, не надо. Просто будь готова, вот и все. И если тебе что-нибудь понадобится — информация или совет, — дай мне знать.

Судя по звонкам телефонов на заднем плане и общему шуму — кто-то разговаривает, кто-то перемещается и скрипит стулом, — папа сейчас у себя в редакции.

— Ваша контора пришлет сюда кого-нибудь?

— Я думаю, пока что мы будем пользоваться услугами пресс-агентства. Но если вы собираетесь общаться с прессой, не забудьте обо мне, ладно? Серьезно, Сафф, если будут какие-то сложности — с полицией или репортерами, — сначала обратиться ко мне.

— Спасибо, папа, — говорю я, чувствуя себя уже спокойнее. Мой отец всегда умел дать мне понять, что я в безопасности.

На следующее утро полиция убирает палатку и ограждающую ленту, и мы с Томом в ужасе смотрим на огромную яму, оставшуюся в саду после раскопок. Она в четыре раза больше, чем та, которую оставили строители. Том спрашивает своего босса, можно ли